

Лада Пузыревская

Родилась в Новосибирске в семье поэтов, выросла на Дальнем Востоке — родители строили БАМ. Руководитель, часовщик, реабилитолог и педагог-психолог. Занималась социальными проектами. Растит дочь. Стихи публиковались в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Дети Ра», «Эдита» (Германия), «Камертон» (Иерусалим) и др. Автор трёх книг: «Маэстро полуправды невсерьез» (2004), «Время delete» (2009), «Последний десант» (2010).

солёный снег

земля моя, впитавшая молитв
и горя на четыре жизни впрок,
куда ни наступи — везде болит
не ближний свет,
нелёгкий хлеб,
тяжёлый рок.

куда ни посмотри — везде метель
и, колокольчик как ни дребезжи,
из года в год всё та же канитель,
и эту тоже надо пережить.

когда ни оглянись — петляет след,
а ты всё ищешь
свой последний путь,
не запираешь дверь на шпингалет.
и кто-нибудь придёт когда-нибудь.

спи, родина, набату вопреки,
детей своих растерянно обняв —
два берега у каждой есть реки.
мы встретимся у вечного огня.

и я приду. нам есть, о чём молчать
глаза в глаза в наш суетливый век —
всем тем, кому не спится по ночам,
кому всё снится твой солёный снег.

никого не прощая

выходили из круга, говорили о разном,
забывали друг друга наши мальчики в красном,
наши девочки в белом, провожая — прощались,
обведённые мелом больше не возвращались.

вон — пустые дома, как несданная тара,
так и сходят с ума, нам чего не хватало?

время корчится в схватках, выпуская из пасти
ужас в детских кроватках, ядовитые сласти,
габардин горизонта в кровотокающий рубчик.
а какой в том резон-то, что ж ты медлишь, голубчик?

под собой сук рубя, выживать тяжелее,
никого не любя, никого не жалея.

все остались довольны полем чистым, не минным,
сроду страшные войны достаются невинным,
некапризным, негордым, невезучим и сирым,
к тихой жизни не годным — дай же, Господи, сил им!

хлеб крошить голубям, завтра не обещая,
никого не губя, никого не прощая.

тёмный лес

Она говорит: я выращу для него лес.

А он говорит: зачем тебе этот волк?..

Не волчья ты ягода и, не сочти за лесть,
ему не чета. Он никак не возьмет в толк,
что сослепу просто в сказку чужую влез.

Смотри, говорит: вон я-то — совсем ручной,
а этот рычит недобро, как взвоят — жесть.
И что с него проку? И жемчуг его — речной,
и в доме — опасность, слёзы и волчья шерсть.

Она говорит: но росшие взаперти —
мне жалость и грусть, как пленные шурави.
И кто мне, такой, придумывать запретит
то небо, в котором — чайки. И журавли...

А он говорит: но волк-то совсем не в масть,
он хищник, не знавший сказочных берегов,
и что будешь делать, когда он откроет пасть,
ведь ты не умеешь, кто будет стрелять в него?

Она говорит: а я стану его любить,
взъерошенным — что ни слово, то поперёк,
больным и усталым, и старым, и злым, любимым.
А он говорит: а волк твой — тебя берёт?..

Как в «верю-не верю» играют на интерес,
ничейная жизнь трепещет, как чистый лист.
Но сколько осилишь ведь,
столько и пишешь пьес,
ищи свою сказку, их всяких здесь — завались.

А волк всё глядит и глядит в свой далёкий лес.

горловка

выводя из себя, не держи меня за руки, брат.
дай ладоням запомнить податливый сумрак белёсый,
перебрать поименно сугробы напрасных утрат
и смотреть, и смотреть, как метель обнимает берёзы.

поклониться родным, между делом сходящим с ума,
и чужих не забыть, хладнокровно шагающих рядом.
зарекаться нет смысла — пусть будут тюрьма и сума,
лишь бы выстоял дом, изувеченный шалым снарядом.

тише, девочка спит, что есть сил обнимавшая мать,
на покрывшейся коркой земле, обернувшейся адом.
здесь, по слухам, война — вот и некому их поднимать,
обескровленных птиц, на лету искалеченных градом.

отпусти меня к ним, безмятежно не помнящим зла,
я смогу рассказать им, что пропасть совсем не бездонна,
что и с той стороны было видно, как нежно несла
мирно спящую дочь на слабеющих крыльях мадонна.

перемирие, брат, фейерверк завершает концерт,
лишь бы нам не забыть это пение их горловое...
песня — тоже тоннель, свет опять обещали в конце.
сколько долгих веков с непокрытой стоять головою

август

Воздух пропитан истомой, дождём и хвоей.
Значит ли это, что следует возвращаться?..
Руки, сомкнувшись, печаль увеличат вдвое,
То же — для счастья.

Веки, смыкаясь, делают свет кромешным,
но позволяют видеть такие дали,
где наяву уже никогда, конечно,
сколько бы денег в воду мы ни кидали.

Круг замыкая, шествует наша осень,
вновь начиная падкой листвы мытарства —
сон золотой бескрайних берез и сосен,
время сырой земли, слюдяное царство.

Слышишь, как изнутри бьются наши люди,
замкнутые в пространство сосновых комнат?..
Бог сам не знает, что с нами дальше будет,
Так же и с теми, что нас берегут и помнят.

молчать по-русски

смотри, как часовой затянут пояс.
сибиряки живыми не сдаются.
из города опять уходит поезд,
они здесь никогда не остаются.

и было бы нисколечко не жаль, но
в далёкие края из википедий
они увозят, просвистев прощально,
героев наших маленьких трагедий.

ковчег плацкартный, междометий грозди,
в багажных полках сумки и разгрузки,
умеют с детства каменные гости
петь на попутном, а молчать по-русски.

кто — семечек купив у бабы клави,
кто — загрузившись огненной водою,
они, беспечно сдвинув балаклавы,
делиться станут хлебом и бедою,

а то — хвалиться арсеналом скудным
трофейных снов про море, эвкалипты.
а ты стоишь под куполом лоскутным
и только повторяешь — эка влип ты.

всех где-то ждут, в какой-нибудь вероне,
за что же втоптан в снежный мегаполис
ты, белым обведённый на перроне?
из города опять уходит поезд.

колыбельная

Ночь, распятая без затей,
слов горячечных одержимость —
Боже, миленький, поддержи нас
до рассвета на высоте.

За блескучего льда стеной —
миллионы цветочков аленьких,
ты держи нас, держи, как маленьких,
в этой сказочке жестяной,

где тягучая снов нуга
в небе сумеречном желейном —
рук протянутых не жалей нам,
не проснувшись наугад.

У последней своей реки
между прошлым качай и будущим
всех, изнеженных снежным чудищем,
одиночеству вопреки.

позабудь про меня

собери про меня всё что можно найти собери
все тетради блокноты где птицы мои снегири
краснопёрая стая креплёных сибирских кровей
свет и розовый снег и тебя не отыщешь правой

собирай по слогам всю мою несусветную чушь
может я хоронюсь может родину спрятать хочу
в тополиной пурге зазеркалье слезящихся фраз
спрыгнуть с красной строки мы с тобою пытались не раз

спотыкаясь прыг-скок вдалеке от подмётных кадил
и давали нам срок только срок раньше нас выходил
и опять по пятам щипачи наших снов стукачи
тут кричи не кричи а попробуй впотьмах соскочи

как бездомных котят нас пытались любить утопить
собирай со стола всё что можно допеть и допить
разноцветные фантики тоже как гильзы от пуль
безутешный февраль талый март ненаглядный июль

собирай мою верность живущим всегда невзатыг
всех моих рыбаков моряков остряков работяг
дураков и блаженных поэтов бандитов менял
но забудь про меня позабудь про меня про меня

нет у битвы границ

Нас жалеет Господь с висока, свысока, свысока,
разбавляя надеждой кровавый июльский закат.
на опухшее зарево слёз набегают волна —
это прошлое плачет о будущем,
это война.

Это падают ангелы, боль собирая на винт,
за пунктир горизонта, похожий на рвущийся бинт,
где по кругу беда, где по следу всегда
степь да степь,
где уставшие люди пытаются выжить успеть —

Не сломаться, не сдать и сердца не отправить на слом.
беспощадно добро, наступая на юркое зло.
у какой из станиц мы свою отходную споём?
нет у битвы границ — только в сердце
твоём и моём.

Мы в себя не вернёмся уже никогда-никогда,
только пепел любви посыпает в ночи города.
жало где твоё, смерть? но опять полыхает Донецк.
только плакать не сметь,
только это еще не конец.

стружка

эти тени под глазами эти медленные руки
нам не сдать зиме экзамен
нас не взяли на поруки

и не в жилу божья помощь
мало в детстве нас пороли
позывные и пароли растеряли не упомнишь

скоро сказка станет басней
вечный вечер смотрит волком
с каждым выдохом опасней на снегу хрустящем колком

наши горы наши горки
мы застряли в средней школе
не пойму о чем ты что ли этот кофе слишком горький

обнимающим друг дружку
выжить бы не до блаженства
здесь мороз снимает стружку ради жести ради жеста

ветер бьётся взвыл и замер
как в предчувствии разлуки
эти тени под глазами эти медленные руки

побелеет дом наш дачный
память снега все острее
круг вращается наждачный все быстрее все быстрее

о войне не пишу

я давно не пишу о войне о войне не пишу
и не знаю сама это старость уже или зрелость
только снится к утру — незнакомую землю пашу
я любила её
а она подо мной загорелась

задрожала зашла в ожидании большей беды
как по шву порвала
старый мир от крыльца до сарая
не хватает воды той земле не хватает воды
пожелтела поблекла сама не своя не сырая

что за тени бегут задыхаясь вдоль мертвой реки
вряд ли помнят уже кто когда затянул пояса им
эти гордые люди живущие здесь вопреки
старой песне о том что свои мы
своих не бросаем

постаревшие дети взрослевшие из-под полы
в детство впавшие матери
сжавшие мир как заточку
из любого зерна прорастает здесь только полынь
под засушливый шепот за сына за мужа за дочку

из любого угла мягко стелется ласковый дым
словно даже огонь растворяться бесследно подучен
я завидую тем кто уходит от нас молодым
не увидев как мир
выгибается в смертной падучей